

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Российский институт культурологии»

И. А. Манкевич

Поэтика
ОБЫКНОВЕННОГО
опыт
культурологической
интерпретации

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 008:304.3:316.728:316.73:316.77:82.0:821.161.1
ББК 71.04+71.05+60.524.224+83+83.3(2Рос=Рус)1
М23

*Рекомендовано к печати решением Ученого совета ФГНИУ
Российский институт культурологии*

Рецензенты:

В. Д. Лелеко, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств;
Ю. М. Шор, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;
Л. С. Перепелкин, кандидат исторических наук, заведующий сектором прикладной культурологии и культурной антропологии Российского института культурологии, Москва

Манкевич И. А.

М23 Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации: монография / И. А. Манкевич. — СПб.: Алетейя, 2011. — 712 с., ил.
ISBN 978-5-91419-461-8

Монография посвящена проблемам функционирования текстов повседневности вне-литературной и литературной реальности в пространстве социальных коммуникаций, порождающих в процессе своего взаимодействия новые культурные формы в повседневной жизни и литературе. Монография подготовлена на материале истории повседневной и литературной культуры России XIX — начала XX вв. В качестве ключевых объектов повседневности избраны те из них, которые наполняют ближайшую среду обитания «человека повседневного» — костюм, еда (застолье), ароматы и запахи. Документальную базу исследования составили источники личного происхождения (письма, мемуары, дневники) и тексты русской классической литературы, в том числе, произведения А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Книга рассчитана на специалистов-гуманитариев, а также почитателей русской классической литературы, интересующихся историей повседневной культуры России.

**УДК 008:304.3:316.728:316.73:316.77:82.0:821.161.1
ББК 71.04+71.05+60.524.224+83+83.3(2Рос=Рус)1**

ISBN 978-5-91419-461-8

9 785914 194618

© И. А. Манкевич, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Введение

Литературоцентристское прошлое России, явившее миру непревзойденные шедевры литературной культуры, по сей день питающие интеллектуальный фундамент национального самосознания, дает богатейший материал для плодотворного взаимодействия филологического и культурологического знаний.

Одним из перспективных направлений, именуемого гуманитариями в зависимости от идеологических пристрастий его приверженцев как «филологическая культурология» или «культурологическая филология»¹, в рамках которого содружество этих наук могло бы дать позитивные результаты в научной и образовательной практике, является проблема функционирования текстов повседневности внелитературной и литературной реальности в пространстве социальных коммуникаций. Этой междисциплинарной теме, находящейся в «зоне влияния» исторического, филологического и культурологического знаний, и посвящена монография «Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации».

Впервые вопрос о специфике функционирования художественного образа в пространстве культуры был поставлен в работе академика М. Нечкиной «Функция художественного образа в историческом процессе»².

И хотя в высказываниях известного советского историка местами явственно слышны идеологические «шумы» эпохи, а ее рассуждения и выводы касаются, прежде всего, взаимоотношений исторического знания и литературоведения, в методологическом плане статья М. Нечкиной фактически носит культурологический характер, ибо содержит многоплановую характеристику функционального бытия образов культуры в социальном пространстве и времени.

Вот несколько программных цитат из этой работы, имеющих непосредственное отношение к проблеме функционирования культурных смыслов, обсуждаемых в настоящей монографии.

«В сфере исследования языка художника существуют писательские словари и точные подсчеты слов, употребленных писателем. Особая группа работ, весьма многочисленная, занята творческой историей произведения, выявлением процесса его создания, его черновыми вариантами, их последовательным расположением, постепенным возникновением образа и всей ткани произведения. Изучаются прототипы героев, реальные зародыши сюжета. Но все это для историка — лишь первая половина проблемы. Вторая ее половина — функция произведения, его работа в воспринимающей читательской среде изучаются куда меньше. <...>

Специфика изучения «формы» и «содержания», их соответствий и противоречий, исследования приемов построения образа и «значения» образа обособилась в исследовательские течения почти в полном отрыве от исторических задач. Высокая эстетическая ценность выдающегося произведения как-то замкнулась в себе самой как проблема и оторвалась от восприятия и современников и последующих поколений. Произведение лежит перед нами, развинченное на мелкие и мельчайшие винтики, пружинки, колесики, рычажки; каждый из них характеризуется с той или иной степенью тонкости и

¹ *Равинский Д. К.* [Рец. на кн.: От... и до...: юбилейный альманах в честь Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова]. СПб., 2006 // Новое лит. обозрение. 2007. № 87. С. 436.

² *Нечкина М.* Функция художественного образа в историческом процессе // Содружество наук и тайны творчества. М., 1968. С. 61–98.

проникновения. Но часы не тикают. Функция пружинок и колесиков в их совокупности (а действуют они лишь вместе, в живом целом!), действие их в исторической среде (а вне ее вообще нет их функции!), в сущности, не исследуются до конца. <...>

Художественное творчество принадлежит явлениям культуры, а история культурного развития — неотъемлемая часть общего исторического процесса. Поэтому положение, что работа художественного образа в историческом развитии — обязательная для историка тема, представляется мне не требующим доказательств. <...>

Тема, избранная мною, расположена на границе двух наук — литературоведения и истории. Для ее постановки нужны не только опорные данные, почерпнутые из обеих наук. <...> Их, оказывается, недостаточно для решения вопроса. Как всегда, пограничный характер проблемы требует еще чего-то «третьего», порождаемого самой новизной предмета¹.

Этим «третьим», по всей видимости, и должен был бы явиться системный культурологический взгляд, позволяющий осмыслить проблемы функционирования художественного образа в читательской среде в синхроническом и диахроническом ракурсах.

* * *

Специфика настоящего исследования предполагает, что в качестве ключевых его объектов параллельно выступают два равновеликих феномена культуры — **«повседневная культура»** и **«литературная культура»**. Последние представляют собой потенциально независимые, но взаимопроникающие культурно-семантические пространства, чем и обусловлен информационно-коммуникационный контекст их исследования. Другим объектом исследования закономерно становится **литературный текст** как один из трех компонентов коммуникационной триады Автор — Текст — Читатель, как **потенциальный источник культурологической информации** о повседневной жизни и генератор «повседневных текстов» культуры во внелитературном пространстве.

Итак, **предметом настоящего исследования** являются информационно-коммуникационные аспекты функционирования текстов повседневной культуры внелитературной и литературной реальности, порождающие в процессе своего взаимодействия новые культурные формы в повседневной жизни и литературе. При этом в предметный контекст настоящего исследования органично вписывается понятие «культурная форма», семантика которого с исчерпывающей полнотой была раскрыта А. Я. Флиером:

«...под культурной формой следует понимать некий целостный, законченный в своем цикле технологический акт деятельности или социального взаимодействия, имеющий более или менее выраженный новационный характер, а также результат, полученный путем свершения этого акта, выражающий некое новое социально значимое содержание, воплощенное в материальном (предмет...), интеллектуальном (знание), эмоциональном (впечатление, чувство), психологическом (мотивация, желание, интерес, потребность) информационном (символ, знак, текст) или структурном (форма организации людей) продукте. При этом и сама технология, и полученный с ее помощью продукт, являются равноценными составляющими понятия «культурная форма». <...> культурная форма непременно является еще и «текстом», повествующим об особенностях некоего конкретно-исторического сообщества, образцам, нормам и стандартам жизнедеятельности которого она соответствует ...»².

¹ Там же. С. 61–63.

² Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие. М., 2000. С. 342.

В хронологическом и региональном аспекте исследование выстраивается, главным образом, на материале истории повседневной и литературной культуры России XIX — начала XX веков. Однако у пространства социальных коммуникаций жестких границ не бывает, что подтверждают и культурологические сюжеты, представленные во второй и третьей частях монографии.

Документальную базу исследования составили источники личного происхождения (письма, мемуары, дневники), а также тексты русской классической литературы XIX — начала XX века, в том числе произведения А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

* * *

Исходные дефиниции. Наиболее близкой контексту настоящего исследования является трактовка **повседневности**, предложенная историком Л. В. Беловинским. Согласно последнему, повседневность есть «сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированной ценностными ориентациями человека, переживающего как настоящее, так и неотъемлемое от него прошлое, переживаемое как субъективно, в живом восприятии людей, так и объективно, как данность, налагающая отпечаток на настоящее»¹.

Тексты культуры. Специфика настоящего исследования требует в зависимости от контекста «чтения» употребление различных вариантов научного бытования слова **текст**.

Первый из них предполагает прочтение текстов вербальной природы — то есть собственно литературных произведений как литературных текстов, а также совокупность лексических единиц, выявленных из литературного текста по тому или иному прагматическому критерию.

Второй вариант ориентирован на «прочтение» и расшифровку текстов, порожденных языком невербальных коммуникаций (вещь, чувство, модели поведения).

Третье, весьма неоднозначное по своей сути толкование этого термина, восходит к методологии структурализма/постструктурализма, согласно которой текст это дискурс, то есть речь или практика мышления².

Здесь имеет смысл процитировать фрагмент из статьи Клода Дюше «К теории социокритики, или вариации вокруг одного зачина», который, «рискуя быть тривиальным», дает комментарий к соотношению понятий текст и внетекст, понимая социокритику как «способ чтения текста»:

«В слове *текст* для нас не подразумевается никакой замкнутости; текст менее всего ограничен начинающей его заглавной буквой <...> или же завершающей его точкой. Природа данного предмета исследования меняется в зависимости от точки зрения (это может быть и отдельное произведение, и дискурсивная формация в смысле Мишеля Фуко), размеры его также переменны — от мельчайшей языковой единицы до более или менее определенного множества письменных сочинений.

Любая область определяется своими границами — границы же текста подвижны. В случае романа, например, заголовки и первая и последняя фразы служат не более чем условными метками, отделяющими текст от внетекстуальной реальности. <...>

¹ Беловинский Л. В. Культурно-исторические аспекты повседневности: содержание, структура и динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 24. 00. 01 / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). М., 2003. С. 15.

² Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепт как возможность постижения смысла. Дискурс // Теоретическая культурология. М., 2005. С. 252–255.

Итак, вокруг текста — некая зыбкая промежуточная зона, где и решается его судьба, определяются его условия коммуникации ...»¹.

В настоящем исследовании под **«текстами повседневности»** понимаются тексты культуры, являющиеся потенциальными носителями знаний о явлениях повседневной жизни, реализующие в процессе функционирования в социальном времени и пространстве свои информационные (знаковые, символические) функции. В роли «производителей» повседневных текстов культуры и их «потребителей» рассматриваются отдельные личности, социальные группы, массовые общности и в целом историческое общество. В общем случае понятие *текст повседневности* используется применительно к сюжетам, мотивам и образам повседневности, обитающим в пространстве собственно литературного произведения и его «окрестностях» (литературная среда), а также литературным образам повседневья, «блуждающим» в качестве моделей и стереотипов повседневной культуры (мышления, поведения, чувствования) во внелитературном пространстве. При этом траектория взаимодействия «линий жизни» указанных текстов культуры опять же в зависимости от идеологических пристрастий исследователя может быть обозначена и как «повседневность — литература — повседневность...», и как «литература — повседневность — литература...».

Социальная коммуникация. Культурологический контекст исследования диктует необходимость максимально широкого толкования этой общенаучной категории, под которой в данном случае понимается функционирование (распространение, взаимодействие, трансформация) смыслов культуры в социальном пространстве и времени. В дальнейшем на основе этой дефиниции выстраиваются дефиниции повседневной (костюмной, ольфакторной, застольной, др.), литературной и художественной коммуникаций.

Термин **культурологическая информация** определяется с позиции теории социальной (гуманитарной) информатики как социальная информация, о фактах (событиях, явлениях, людях) и концепциях (идеях, теориях) в истории культуры, ориентированная на профессиональные группы потребителей².

* * *

Несмотря на то, что главным объектом культурологических штудий автора является категория «повседневность», в заглавии монографии использован один из ее контекстуальных «псевдонимов» — **«обыкновенное»**. Последнее, конечно, не является случайностью и имеет на то свои причины.

Первая причина связана с доминирующей смысловой «константой» категории «повседневность», которую с максимальной точностью и лаконизмом воплощает в себе слово «обыкновенное». Согласно словарю Д. Е. Ушакова слово это имеет два значения: 1) — *вошедший в привычку, постоянный, обычный*; 2) — *ничем не выделяющийся, заурядный*³.

Вторая причина обусловлена авторским выбором ключевых составляющих повседневности как объектов культурологического (информационно-коммуникационного)

¹ Дюше К. К теории социокритики, или вариации вокруг одного зачина // Новое лит. обозрение. 1995. № 13. С. 121.

² Соколов А. В., Манкевич А. И. Информатика в перспективе (К вопросу о классификации видов информации в системе наук коммуникационного цикла // Научно-техническая информация. Сер. 2. // Науч.-техн. информ. Сер. 2, Информ процессы и системы. 1971. № 10. С. 5–9.

³ Толковый словарь русского языка в 4-х т. / Под ред Д. Н. Ушакова, М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 2, 1938. Стб. 740.

анализа, а именно тех, без которых немыслимо повседневное бытие человека, ибо, *по обыкновению*, они и наполняют ближайшую среду его обитания. К ним относятся: *ароматы и запахи*, то есть воздух, которыми мы дышим, *застолье*, то есть еда, доставляющая, вкупе с застольным антуражем, наслаждение и продлевающая нашу жизнь, и *костюм*, обрамляющий человеческое тело и обнажающий, *по обыкновению*, его дух.

Примечательно, что запахи, еда и костюм, будучи непосредственно причастными к формированию ближайшей к телу и душе человека среды его обитания, в той или иной мере оказываются под взаимным влиянием друг друга. При этом анализ культурологического потенциала ольфакторных, застольных и костюмных текстов культуры позволяет при соответствующей оптике их чтения выстроить «магистральную» линию повседневной жизни субъектов повседневных коммуникаций разного статуса — от исторического общества или массовой общности до конкретной социальной группы и отдельной персоны.

Своего обоснования как необходимой лингвистической составляющей заглавия монографии требует и слово «поэтика».

В филологии *поэтикой* называют раздел теории литературы, трактующий на основе определенных научно-методологических предпосылок проблемы структуры литературного произведения, поэтической формы, специфических приемов поэтического искусства. При этом зачастую термин «поэтика» переносится на сам объект изучения, например «поэтика Пушкина», «поэтика Чехова». В историческом времени «поэтика» не раз меняла очертания своих природных «владений», то суживаясь до пределов свода поэтических правил, то расширяясь до границ истории литературы и эстетики¹.

В условиях стремительной культурологизации гуманитарного знания и тотальной текстуализации реалий повседневной жизни термин «поэтика» обрел статус общенаучной категории. Ибо любой факт культуры, независимо от своего происхождения — вербальный/невербальный — будучи «прочитанным» как ее текст, неминуемо «обрастает» и своей поэтикой.

Начало научной биографии «поэтики обыкновенного», как известно, заложено Ю. М. Лотманом — филологом и культурологом в одном лице — отметившего, в частности, неотделимость мира идей, людей и «каждодневной реальности»².

Сегодня в научных и околонаучных публикациях можно встретить рассуждения о «поэтиках» самого разного рода, начиная от поэтики архитектурного пространства, и, заканчивая поэтикой мобильного телефона и кухонной утвари. Исчерпывающую культурологическую характеристику понятия «поэтика» дает в своей монографии «Культура сквозь призму поэтики» лингвист Л. А. Сафронова, рассматривающая филологию как основу для изучения культуры:

«Поэтика связана с историей культуры. Она не только контекст, в котором находятся литературные или драматические произведения. Историко-культурные смыслы просвечивают в темах, жанрах, тропах, фигурах. История культуры фокусирует в себе многочисленные аспекты поэтики. Они находятся в столь тесных отношениях, что приближаются к синтезу, а именно в нем наиболее полно раскрываются смысл и форма текстов, их отношения между собой. Исследование поэтики в историко-культурном плане углубляет представления о литературе и других видах искусства.

¹ Айхенвальд Ю. Поэтика // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. Стб. 633–636.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). СПб., 1994. С. 10.

Так выстраивается единый угол зрения на культуру, которая перестает быть собранием отдельных видов искусств. Она не рассыпается на отдельные элементы, а предстает в целостности»¹.

Суть поэтики взаимодействия внелитературных и литературных текстов культуры в пространстве социальных коммуникаций в свернутом виде довольно емко и точно сформулирована филологом и культурологом О. Б. Вайнштейн:

«Литература фактически предлагает бесконечные возможности упорядочения духовного и житейского опыта — от умозрительной картины мира до стратегии практического поведения. <...> Совершенный однажды выбор сообщает осмысленность и единство всем поступкам даже на уровне жестов и интонаций, что делает жизнь личности открытой для интерпретаций и литературного запечатления. Возникающий на этой основе художественный образ вновь возвращается в жизнь, воплощаясь в «книжном» поведении того или иного человека, а это потенциально составляет новый сюжет для произведения — так непрерывно совершается плодотворный обмен между жизнью и культурой»².

* * *

В пространстве повседневности пересекаются и взаимодействуют «линии жизни» разных культур — политической и экономической, научной и художественной, профессиональной и досуговой, приватной и публичной. Это обстоятельство придает проблеме «повседневная культура и социальная коммуникация» особую привлекательность в плане различных культурологических построений.

На сегодняшний день круг научных исследований культуры повседневности, ориентированных, в той или иной мере, на культурологический потенциал русского литературного наследия, не столь уж велик. Определяющее влияние на формирование концепции данного исследования оказали труды Ю. М. Лотмана.

Среди гуманитариев, чьи идеи и суждения повлияли на методологический выбор автора, имена теоретиков и историков культуры, культурологов и филологов, в том числе, О. Б. Вайнштейн, Т. Д. Венедиктовой, Л. В. Беловинского, В. Д. Лелеко, Г. С. Кнабе, Р. М. Кирсановой, М. С. Кагана, О. А. Кривцуна, В. В. Похлебкина, Д. Рейфилда, А. П. Чудакова. Кроме того, на формирование культурологического мировоззрения автора в той или иной степени оказали влияние труды отечественных исследователей культуры и межкультурных коммуникаций, в том числе, С. Н. Артановского, В. С. Жидкова, К. М. Кантора, Б. В. Маркова К. С. Пигрова, К. Э. Разлогова, А. В. Соколова, К. Б. Соколова, А. Я. Флиера и др.

Теоретико-методологическая основа исследования выстраивается исходя из межнаучного характера означенной проблемы. При разработке концепции «поэтики обыкновенного» использовался системный культурологический подход³, на основе которого была разработана авторская версия **информационно-коммуникационного подхода** (далее ИКП) к анализу повседневных текстов культуры, синтезирующего теоретический потенциал антропоцентрической, информационно-семиотической и духовно-смысловой концепций культуры. Указанная концепция ориентирована на ак-

¹ Софронова Л. А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 5.

² Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005. С. 345–346.

³ Жидков В. С., Соколов К. Б. Системный подход в исследованиях культуры и искусства // Системные исследования культуры. 2005. СПб., 2006. С. 11–38.; Флиер А. Я. Российская культурология и ее общие основания как системы знаний // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2003. № 1. С. 34–45.

туализацию культурологического потенциала повседневных текстов культуры как феноменов социальной коммуникации и источников культурологической информации.

С позиции системного подхода **повседневная культура** рассматривается как подсистема культуры, а с позиции ИКП — как **культура повседневных коммуникаций**. Аналогично **литературная культура** с позиции системного подхода рассматривается как подсистема культуры, функционально ориентированная на задачи литературной деятельности, а с позиции ИКП — как **культура литературных коммуникаций**.

Сопоставление моделей повседневной и литературной культур на уровне мета-категорий ИКП (*коммуникационное время, коммуникационное пространство, субъекты социальных коммуникаций, смыслы культуры, коммуникационное сообщество, коммуникационные каналы, коммуникационные барьеры, коммуникационные потребности, коммуникационная культура, коммуникационная деятельность, социальная память*) дает возможность получить представление о границах взаимодействия их семантических пространств. Каждая из категорий ИКП фиксирует культурологический ракурс, в контексте которого возможно прочтение текстов культуры и выявление их информационного потенциала.

В траектории «линии жизни» текстов культуры в пространстве социальных коммуникаций — **«повседневность — литература — повседневность...»** — просматриваются, как минимум, три ключевых функциональных среза, в пределах которых формируются свои «типовые» модели повседневных / литературных коммуникаций, а именно:

1. **Повседневность — литература:** функционирование внелитературных текстов повседневности в пространстве литературных коммуникаций (переживаемая повседневность);

2. **Повседневные тексты в литературном произведении** (описываемая повседневность): повседневные коммуникации в пределах текстового пространства литературного произведения; функциональный статус текстов повседневности в литературном произведении;

3. **Литература — повседневность:** функционирование текстов литературной культуры в пространстве внелитературных или литературных повседневных коммуникаций; заимствованные, освоенные и трансформированные литературные модели повседневности (вещь / явление — знак — символ).

Эффекты повседневных / литературных коммуникаций, равно как и информационный потенциал текстов культуры внелитературной и литературной природы, обусловлены и тем типом коммуникационной ситуации, в «режиме» которой они рождаются и функционируют. Так, в контексте категории «коммуникационная деятельность» траектория движения смыслов культуры может быть представлена такими моделями как: «диалог-согласие», «диалог-конфронтация», «управление-согласие», «управление-конфронтация» и «подражание», что позволяет на теоретическом уровне рассматривать повседневную / литературную коммуникацию как диалогическую, управленческую или подражательную, а тексты повседневности соотносить с определенным жанром коммуникационного сообщения.

В общем случае «прочтение» текстов повседневной культуры как источников культурологической информации возможно в следующих пространственно-временных контекстах:

— **историко-культурном** — политическое, экономическое, идеологическое, литературно-художественное пространство и время, повседневно-бытовой фон эпохи;

— **субкультурном** — национально-региональное, сословное, профессиональное, литературно-культурное пространство и время, повседневная литературная жизнь;

— **персональном** — приватное, биографическое пространство и время человека — писателя, литературного персонажа, читателя;

— **внутритекстовом** литературно-художественный язык Автора как творца повседневных текстов, повседневность в пространственно-временной композиции произведения.

* * *

Из вышесказанного следует, что основной **целью настоящего исследования** является осмысление и актуализация культурологического потенциала текстов повседневности внелитературной и литературной природы в контексте информационно-коммуникационных аспектов их функционирования в социальном времени и пространстве.

Поэтика функционирования текстов повседневности в пространстве социальных коммуникаций напрямую связана с проблемой, которую можно сформулировать, как **«повседневность в литературе и литература в повседневности»**.

По мнению автора исследования, взгляд на **поэтику взаимодействия повседневности и литературы** как на своего рода «коммуникационные технологии» отражения реалий повседневной жизни в литературных текстах, с одной стороны, и «технологии» освоения литературных моделей мышления, чувствования и поведения в повседневной жизни — с другой, способствует постижению культурологического «эффекта присутствия» литературных текстов в повседневье и текстов повседневности в литературе. И, что не маловажно — и то и другое — в контексте «жизнетворчества» всех соучастников повседневных и литературных коммуникаций — от Автора до Читателя — независимо от их коммуникационного статуса (историческое общество, массовая общность, социальная группа, личность).

Культурологические штудии феномена повседневных/литературных коммуникаций привлекательны для исследователя и как способ постижения тайны Гения. Ибо последний обречен быть не только субъектом литературных коммуникаций «мирового значения», но и, как все прочие смертные, «человеком повседневным». Ведь «даже самые мелкие детали жизни гения несут на себе отсвет его таланта, позволяют ощутить ту «ауру», которая окутывала не только его творчество, но и проявлялась в повседневной жизни»¹. Любой штрих этой «ауры» способствует постижению поэтики жизнетворчества Мастера как культурного исторического наследия. Ибо, в отличие от прочей пишущей братии, «Бог дал ему способность соединять временное и вечное, непреходящее — с тленной злобой дня»².

Именно по этой причине «поэтике обыкновенного» в жизнетворчестве русского Гения, помимо обзорных параграфов второй части монографии, целиком посвящена и третья ее часть, главными персонажами которой выступают А. С. Пушкин и А. П. Чехов.

Выбор из галереи русских Гениев мировой культуры имен Пушкина и Чехова в качестве ключевых фигур для культурологического анализа, конечно, не случаен. И объясняется он далеко не только той феноменальной ролью, которую и по сей день продолжают играть имена наших классиков в современной культуре³. И, тем более

¹ Кривцун О. А. Творческое сознание художника. М., 2008. С. 198.

² Пьецух В. Русская тема. О нашей жизни и литературе. М., 2005. С. 67.

³ Лотман Ю. М. О русской литературе классического периода. Вводные замечания // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 2005. С. 594–604.

не данью сложившейся филологической традиции изучать Пушкина и Чехова исключительно «дуэтом»¹. Причины выбора весьма *обычны* и связаны с *обыкновенной*, не иссякающей с годами читательской любовью к «нашему все», многолетняя домашняя привязанность к которым, превратила их практически в «членов семьи»².

Кроме того, в ряду многочисленных научных публикаций, посвященных житнетворчеству Пушкина и Чехова, включая труды, ставшие классикой гуманитарного знания³, культурологических исследований, посвященных информационно-коммуникационным аспектам функционирования текстов повседневности в пространстве социальных коммуникаций, помимо широко известных работ Ю. М. Лотмана, нет. Исключение составляет монография филолога А. Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова»⁴, в которой ее автор, опираясь на теорию речевых жанров М. М. Бахтина, исследует на материале произведений Чехова специфику функционирования информативных, риторических, императивных, экспрессивных и фатических жанров (спор, проповедь, просьба, приказ, жалоба, исповедь). Но исследование поэтики жанров невербальных коммуникаций в житнетворчестве писателя в задачи филолога не входило.

К этому следует добавить, что постижение тайн житнетворчества повседневно любимых писателей занятие столь же увлекательное, сколь и бескорыстное, если не считать, что за возможность заниматься любимым делом читатель получает ежедневное вознаграждение в виде желания жить, читать и познавать дальше.

* * *

Работа над монографией осуществлялась *по трем ключевым направлениям*:

— разработка коммуникационных моделей повседневной и литературной культуры и изучение специфики взаимодействия их семантических пространств («поэтика обыкновенного» в контексте теории и методологии проблемы);

— исследование культурологического потенциала и функционального статуса текстов повседневности внелитературной и литературной природы как потенциальных носителей культурологической информации («поэтика обыкновенного» в контексте источниковой базы исследования);

— исследование «повседневных текстов» различных жанров (ольфакторные, костюмные, застольные, др.) на материале истории повседневной и литературной культуры, а также частной жизни русского Гения («поэтика обыкновенного» в культурологических сюжетах и портретах).

---

¹ См., например: Сухих И. Н. Чехов в Пушкине (к парадигмалогии русской литературы) // *Ars philologiae*. СПб., 1997. С. 276–287; Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998; Головачева А. Г. Пушкин, Чехов и другие: поэтика литературного диалога. Симферополь: Доля, 2005.

² Очевидно, у каждого профессионального читателя есть свой «домашний классик», книги которые по традиции называют настольными. Для меня таковыми никогда не были ни Н. А. Некрасов, ни Ф. М. Достоевский, «общение» с которыми происходило исключительно «по необходимости» и всегда на далекой психологической дистанции.

³ Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1997; Чудаков А. П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков. М., 1992.; Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971. Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. Филология и культура. СПб., 2007.

⁴ Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.

Структура монографии. Композиционно материал монографии распределен по трем частям, далее — главам и параграфам. Изложение материала сопровождается примечаниями, приложениями и списком литературы по теме исследования, включающего в общей сложности более 400 наименований.

Часть первая. Первая часть монографии *«Повседневность — литература — повседневность: поэтика взаимодействия семантических пространств»* посвящена теоретическим и методологическим аспектам исследования повседневной и литературной культур в контексте ИКП.

В первой главе «Поэтика повседневных коммуникаций» дан анализ категорий «повседневность» и «повседневные коммуникации» в контексте культурологического знания.

В разделе 1.1 «Культурология и филология: «философия» межнаучных коммуникаций в пространстве гуманитарной культуры», выполняющего функции методологического введения в проблему, анализируется методологический потенциал культурологического и филологического знания как родственных гуманитарных дисциплин социально-коммуникационного цикла, обосновывается выбор перспективных направлений их взаимодействия. Актуализируется теоретический потенциал коммуникационного подхода в изучении повседневности в контексте «поэтики» взаимодействия семантических пространств повседневной и литературной культур.

В разделе 1.2 «Повседневность в гуманитарных исследованиях: культурологический вектор» приводится обзор научных публикаций, посвященных исследованию феномена повседневности как категории гуманитарного знания. Основное внимание уделяется работам, в которых объекты повседневной культуры исследуются в контексте взаимосвязей культурологического и филологического знания.

В разделе 1.3 «Повседневная культура как информационно-коммуникационная система. Морфология текстов повседневной культуры» рассматриваются концепции социальной коммуникации и социальной информации, сложившиеся в современном гуманитарном знании. Представляется авторская версия концептуальной модели культуры как информационно-коммуникационной системы. Обосновывается эффективность указанной версии ИКП применительно к различным сферам культуры, включая повседневную и литературную культуру. Предлагаются дефиниции понятий «текст повседневности» и «повседневная коммуникация». Описывается морфологическая структура текстов повседневной культуры с позиций ИКП.

Основное содержание **второй главы «Поэтика литературных коммуникаций и культурологическое знание»** посвящено анализу литературно-художественного текста как источника культурологической информации.

В разделе 2.1 «Литературная культура в гуманитарных исследованиях: культурологический вектор» представлен обзор научных исследований, посвященных феномену «литературная культура», анализируется культурологическое содержание ее предметной области.

В разделе 2.2 «Литературная культура как информационно-коммуникационная система» предлагаются дефиниции понятий «литературная культура» и «литературная коммуникация» и авторская версия коммуникационной модели литературной культуры.

В разделе 2.3 «Литературно-художественное наследие: информационный потенциал и эволюция источниковедческого статуса» рассматривается специфика художественной литературы как источника культурологической информации в сопо-

ставлении с взглядами историков на литературно-художественный текст как исторический источник. Приводится обзор работ отечественных и зарубежных исследователей, отражающих эволюцию представлений в гуманитарном знании об историкокультурном потенциале художественной литературы как носителя социальной информации различных видов (исторической, этнографической, историко-книговедческой, социально-психологической). Оценивается перспектива исследований художественной литературы как источника культурологической информации.

В разделе 2.4 «Литературный текст как источник культурологической информации о повседневной жизни» рассматривается содержание понятия «культурологическая информация». Анализируется информационный потенциал литературных текстов различных жанров (источники личного происхождения, художественная литература) как носителей культурологической информации о повседневной жизни.

В разделе 2.5 «Повседневность в литературе и литература в повседневности: культурологические модели функционирования» приводится дефиниция понятия «повседневный текст литературной культуры». Рассматривается морфологическая структура повседневных текстов литературной культуры, а также ключевые аспекты функционирования повседневных текстов внелитературной и литературной культуры в контексте взаимодействия их семантических пространств. В качестве методологической схемы используется коммуникационная модель культуры, адаптированная к специфике пространства повседневной культуры и культуры литературной, образующих в границах своего взаимодействия коммуникационную систему.

Изложение материала первой части монографии, сопровождается таблицами (*Приложение*), иллюстрирующими теоретические и методологические аспекты, исследования.

Часть вторая. Главы, входящие во вторую часть монографии **«Костюм и застолье в пространстве повседневных и литературных коммуникаций»**, посвящены функционированию костюмных и застольных текстов культуры и имеют однотипную структуру.

В разделе 1.1 «Костюм в гуманитарных исследованиях: культурологический вектор» и 2.1. «Застолье в гуманитарных исследованиях: культурологический вектор» даны обзоры научных публикаций преимущественно философско-культурологического профиля, посвященных костюму и застолью как текстам культуры. Предложены дефиниции понятий «костюмный текст», «застольный текст», «костюмная» и «застольная коммуникация».

В разделах 1.2 «Поэтика костюма в пространстве повседневных коммуникаций» и 2.2 «Поэтика застолья в пространстве повседневных коммуникаций» представлены коммуникационные модели костюмной и застольной культуры, морфологическая структура костюмных и застольных текстов. Изложение материала сопровождается культурологическими сюжетами из истории костюмной и застольной культуры России.

В разделах 1.3 «Поэтика костюма в пространстве литературных коммуникаций», 1.4 «Костюмные тексты русской классической литературы», 2. 3 «Поэтика застолья в пространстве литературных коммуникаций» и 2. 4. «Застольные тексты русской классической литературы» на материале истории русской культуры и классической литературы анализируется специфика функционирования костюмных и застольных текстов как феноменов литературных коммуникаций и источников культурологической информации.

Часть третья. Третья часть монографии **«Поэтика обыкновенного в житийно-творчестве русского Гения»** представляет собой опыт культурологического осмысле-

ния жизнетворчества А. С. Пушкина и А. П. Чехова как субъектов повседневных/литературных коммуникаций.

Первая глава «Частная жизнь Гения как предмет культурологических исследований» является культурологическим введением к материалу, излагаемому в последующих главах третьей части монографии. В ней с позиции культурологического знания рассматриваются методологические и этические аспекты изучения частной жизни Гения как феномена культуры. Концепция видения проблемы выстраивается на основе фактов частной жизни А. С. Пушкина и А. П. Чехова, а также отечественном и зарубежном опыте составления их жизнеописаний.

Последующие главы третьей части представляют собой опыт культурологического осмысления жизнетворчества А. С. Пушкина и А. П. Чехова как субъектов повседневных/литературных (костюмных, застольных, ольфакторных) коммуникаций. В качестве структурообразующей основы сюжетов использованы коммуникационные модели повседневной культуры, представленные в предыдущих частях монографии. Содержание культурологических сюжетов составили факты из повседневной жизни и литературных биографий А. С. Пушкина и А. П. Чехова, а также «историй» частной жизни их литературных персонажей в контексте костюмных и застольных коммуникаций.

Заключение содержит итоговые выводы по всем ключевым позициям исследования. Обосновывается теоретический и научно-практический эффект культурологического «прочтения» повседневных текстов классического литературного наследия. Намечаются перспективы дальнейшего развития темы.